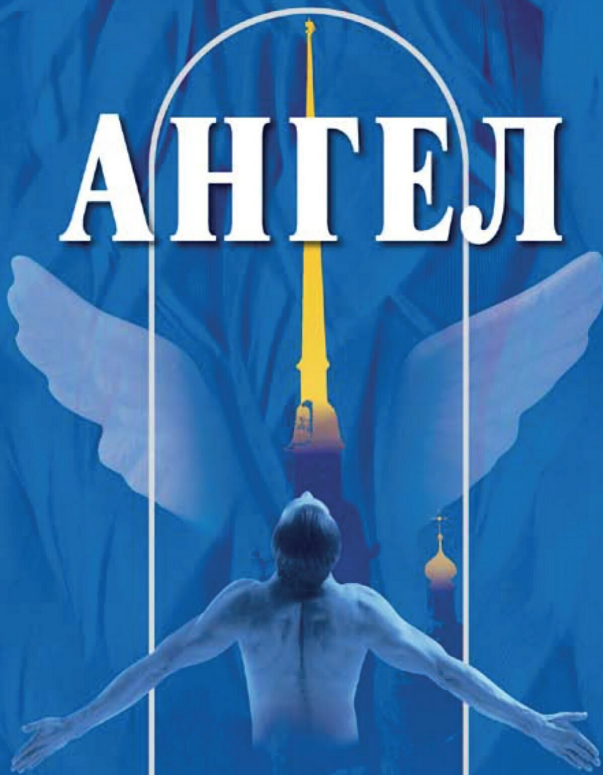


Сергей Андреев

РОМАН-ПРИТЧА

АНГЕЛ



Сергей Юрьевич Андреев

Ангел

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68690256*

Ангел. Роман-притча: Страта; СПб.;

ISBN 978-5-907638-24-2

Аннотация

Роман-притча о возможности каждого человека обрести личное счастье. Одновременно книга представляет собой своеобразную инструкцию взаимодействия с высшими силами, которые помогут достичь желаемого.

Сюжетные повороты романа стремительны, мистика самым естественным образом вписана в канву реальности, а философские вставки, заставляющие читателя слышать собственного ангела-хранителя, не имеют аналогов в мировой литературе.

Для читателя открывается возможность заглянуть себе в душу – и увидеть там самое лучшее.

Содержание

I	5
II	24
III	42
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Юрьевич Андреев

Ангел

Роман-притча

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Андреев С. Ю., 2022

© Андреева Г. О., фотография, 2022

I

Раньше в народе это заведение называлось коротко и страшно: дурдом. Потом его все чаще стали именовать больницей для умалишенных, а теперь, в 1978-м, на воротах и на входе в главное здание висело по табличке с простой надписью: «Психиатрическая клиника». Хотя по Ленинграду и гуляли слухи о принудительной доставке сюда диссидентов из среды интеллигенции, да и вообще противников власти, но осуществлялось в этой клинике, в общем, неплохое лечение – если требовалось на самом деле.

Медсестра в белом халате, появившаяся возле кабинета профессора, весила не меньше центнера. Глядя на нее снизу вверх, подросток, сидящий вместе с родителями на длинной скамье для посетителей, подумал, что она, если потребуется, легко скрутит любого буйного безо всякой помощи санитаров.

– Заходи, маленький, – ласково пригласила его тетка, открывая своим ключом дверь в профессорский кабинет. – Это ты, что ли, ясновидящий? Только о тебе и разговоры нынче в городе: все спорят, правда или нет. Вы – родители? То же проходите, я покажу, где сесть. Профессор будет ровно в пять, он никогда не опаздывает.

Медсестра провела всех троих, хранящих напряженное молчание, внутрь. Паренек решил, со смутной смесью юмо-

ра и страха, что если ему сразу начнут вязать руки и надевать смирительную рубашку, то он без труда прикинется нормальным, то есть станет как все: тогда рано или поздно отпустят.

В просторном профессорском кабинете было светло, и подросток, которого родители привели сюда на обследование, быстро освоился. Он сидел в глубоком, удобном кресле, вертел туда и сюда русой головой, причесанной, очевидно, только в честь появления в этой клинике, и с любопытством разглядывал предметы обстановки. Напольные часы старой работы мерно пробили пять раз, и худощавый, высокого роста, абсолютно лысый мужчина вошел через боковую дверь, кивнув и родителям, сидевшим возле окна, и мальчишке. На мужчине был белый накрахмаленный халат.

– Ну-с, молодой человек, посмотрим, чем ты нас удивишь, – благожелательным тоном произнес профессор, усаживаясь напротив в такое же, как у подростка, глубокое кресло. Мальчик отметил его кустистые брови и зеленоватые глаза.

– Много мне про тебя нарасказывали, давай разберемся, где сказки, а где нет. Согласен?

Мальчишка кивнул, заерзал на своем месте и увел взгляд в сторону.

Профессор считался лучшим в мире специалистом по психиатрии – в той ее части, которая касалась запредельных состояний. Он когда-то занимался легкой атлетикой и оста-

вался жилистым и худым. Профессору было за пятьдесят, и характерной чертой его внешности, помимо лысины, являлся выступающий лоб. Когда, давая лекции, профессор выходил на кафедру, слушателям порой казалось, будто он, чуть поводя головой, нависает над аудиторией, словно змея над прудом с лягушками.

За высокими окнами кабинета, где он сейчас вел прием, стояли последние дни августа. Бирюзовое небо заливало помещение прозрачным и одновременно осязаемым светом, проливаясь лучами вечернего солнца на шкафы с фолиантами специальным трудов, на удобную кожаную мебель и на длинный, зеленого сукна стол, стоявший посреди кабинета. На столе в строго установленном порядке располагались: письменный прибор с массивной золоченой ручкой на мраморной подставке, деловые бумаги и, в точном соответствии с нумерацией, истории болезни пациентов. Крайняя папка, пока еще пустая, имела наклейку с нанесенными в верхнем углу именем, отчеством и фамилией мальчика, который пришел сейчас на прием: Семен Ильич Журавлев.

Профессор брался только за самые трудные, порой уникальные случаи, многие из которых не подпадали под общепринятую классификацию. Он работал с исключениями из правил, делая собственные, абсолютно отличные от коллег выводы. Политический режим это ему позволял, несмотря на существовавший в стране тотальный контроль за всеми сферами жизни, так или иначе связанными с идеологией. На

перекидном календаре возле письменного прибора как постоянное напоминание крупными цифрами значился 1978 год, и хозяин кабинета, на своем веку повидавший нескольких уже вождей, сменявших друг друга, прекрасно знал те рамки, внутри которых ему официально разрешалось иметь собственное мнение. Но, поскольку профессор сотрудничал со спецслужбами по тематике особых состояний, моделируя сверхвозможности у бойцов специальных подразделений, он имел право раздвигать границы официальных доктрин – ссылаясь на необходимость для практики. Тем самым профессор оставлял для себя возможность настоящей, безо всяких кавычек, научной независимости, и пользовался этим правом по мере необходимости. То есть – всегда.

Сейчас в лице этого мальчика профессор столкнулся с проблемой, которая далеко выходила за пределы его профессиональных знаний. Проблему эту надлежало решать, как и обычно, наиболее оптимальным путем: не навредив.

– Посмотрим, – повторил профессор, глядя на мальчишку. Тот отметил, что у профессора, которого он вначале окрестил про себя удавом, несмотря на кустистые брови, лысую башку и суровый вид, были вполне спокойные и добрые глаза. – Родители говорят, что ты можешь без ошибки ответить на любой вопрос. Бывает? – он чуть улыбнулся, будто каждый день сталкивался с чем-то подобным и считал это естественным.

– Бывает, – признался паренек. Ему едва исполнилось че-

тырнадцать, и внешне он выглядел вполне заурядно: слегка угловатый, с выгоревшей пшеничной копной, весь вытянутый в длину наподобие тростинки. Мальчишка явно перерос за лето размеры собственного пиджачка и стеснялся внимания к собственной персоне. Поэтому он невпопад краснел и не знал, куда девать руки, некстати высовывающиеся из коротких рукавов.

– Давай знакомиться, – предложил профессор. – Меня зовут Лев Викторович Моисеев.

– А я Сеня, – солидно сообщил подросток.

Он не знал, чего еще сказать, и замолчал, пожав плечами: дескать, добавить нечего.

Его родители сидели поодаль, возле окна, испуганные и словно бы окаменевшие. Оба они работали инженерами на оборонном предприятии и никогда не могли бы предположить, что в их семье начнется нечто, недоступное пониманию. Итогов предстоящей консультации родители ждали как приговора.

– Еще говорят, будто ты умеешь читать с закрытыми глазами, – стараясь растормошить парнишку, но не форсируя событий, спросил профессор. – Честно сказать, я с этим феноменом уже сталкивался, только по большей части обращалось все обычными фокусами. А ты на самом деле это умеешь?

– Умею вроде, – подтвердил подросток.

Профессору никак не удавалось поймать у мальчишки

взгляд: тот глядел куда угодно – в пол, в стену или на кончики своих туфель, но только не в глаза профессору. Требовалось наладить контакт, а значит – чем-то заинтересовать.

– Представь, что ты учитель, а я – тупой ученик, – попросил профессор. – И тебе нужно растолковать мне, как все это у тебя происходит. Если уж этот тупой поймет, – он показал на себя и улыбнулся, – значит, объяснил грамотно. Потом устроишь мне экзамен, хорошо ли я усвоил.

Подросток хмыкнул в ответ: дескать, забавно, но попробовать не очень-то хочется.

Профессор предложил по-другому:

– Если начнешь объяснять, каким образом умудряешься видеть будущее и почему путаешь его с прошлым, получится каша, согласен? Поэтому расскажи для начала что-нибудь попроще. Например, как ты в тире не целясь стреляешь. Короче, проясни для отсталых технику этого дела. Ты действительно на любой вопрос отвечаешь без ошибки?

– Выходит, что да, – постепенно втягиваясь в диалог, согласился подросток и кинул быстрый взгляд на профессора. – Только мне настроиться надо. А когда нервничаю... в общем, не получается.

– Настроиться? – моментально отреагировал профессор, произнеся ключевое слово.

– Канал связи включить, – бесхитростно откликнулся парнишка. Он поднял наконец глаза (они оказались серого цвета) и попытался все доходчиво объяснить: – Это вроде раз-

ных программ на том экране, что у меня внутри.

– Внутри?..

– Ну, в голове! – Сеня постучал себя пальцем по лбу, показывая точное место, где же именно. – Там у меня что-то похожее на телевизор, иногда он включается, и на экране появляются цифры, фигуры или изображения всякие. О чем спрашиваю, то и появляется... бывает цветное, бывает черно-белое.

– А звуки слышишь? Голоса?

Это был тестовый, классический вопрос, и вырвался он у профессора почти произвольно.

– Слышу иногда, – пожал паренек плечами, не придавая значения подобным вещам. – Я никому об этом не говорил, – доверительно сообщил Сеня, – только родителям и вот теперь вам.

– И что же тебе говорят эти голоса? Слова, фразы, длинные речи? Может быть, советы дают?

Диагноз заболевания вот-вот готов был появиться на свет: еще несколько уточняющих моментов, и все. Картина складывалась вполне определенная.

– По-всякому бывает, – отозвался мальчишка. – Но *они* никогда не ошибаются. Проверено.

– Кто же это: «они», Сеня?

– Ангелы, наверное, – предположил подросток, вопросительно глянув на профессора. – Когда я включаюсь на их канал, то могу спрашивать о чем хочу, и тогда они что-ни-

будь отвечают словами, или показывают на... этом самом. На внутреннем экране, короче.

– Голоса эти – мужские или женские?

Сеня впервые улыбнулся. Стало видно, что у него сбоку не хватает одного зуба.

– Нету у них там мужчин и женщин, – снисходительно хмыкнул он. – Механический такой голос раздается, вроде как в метро: «Осторожно, двери закрываются...».

– А зуб-то кто тебе выбил? – неожиданно спросил профессор.

– Да был один придурок, – нахмурился Семен. – Я ему сказал, что его завтра из школы выгонят: пусть лучше прикинется больным, а потом четверть закончится, родителей к завучу пришлет – может, и оставят. Мне голос про него так рассказал. А этот... полез в драку. Ну, зуба у меня и не стало. Его назавтра вызвали к директору и за этот случай из школы выгнали. Как сказано было, так и получилось. Ангелы не ошибаются.

– Н-да, – согласился профессор, – все будто по писаному получилось. А бывает, что эти голоса ругают тебя, или грозят, или смеются? Может, они приказывают: пойдди, Сеня, туда, сделай то или это?

– Не-а, – покачал парнишка головой, – они только сообщают о чем-то. Или подсказывают... Например, как задачу решить по алгебре, или – который час, и куда пора идти.

– Ну... – протянул профессор, откидываясь в кресле, –

так любой сам себе подсказать может. Задачи решать в школе учат, а куда нужно пойти, ты уже заранее решил, а после только вспомнил – и все. Вот я задам тебе самый простой вопрос, а ты постарайся его своим ангелам направить: сколько мне лет?

– Мне подумать надо, – серьезно сказал Семен. – Настроиться.

– Да мы не торопимся, – успокоил его профессор. – Сколько нужно, столько и думай. Лишь бы получилось.

Он внимательно следил за мальчиком. Тот чуть покраснел и вновь спрятал глаза. Молчание длилось не больше минуты, потом подросток посмотрел на профессора, и тот не узнал его лица. Оно стало отрешенным и строгим.

– Вам пятьдесят четыре года, – ровным, будто не своим голосом сообщил Семен, глядя словно бы сквозь профессора и прислушиваясь к чему-то, происходящему не здесь. – Ваша фамилия не Моисеев, как вы пишете и говорите, а Буннич. Вы ее взяли у второй жены, которая умерла девять лет назад. Диагноз: рак. Задавайте другие вопросы, мы ответим.

У профессора что-то екнуло внутри. Похоже, подросток смог получить доступ к его личному делу.

– «Мы»? – переспросил он. – Кто говорит через мальчика?

– Сопровождающая сущность, – ответил подросток тем же механическим, безо всяких интонаций голосом. Он явно находился в трансе, подобном суггестии, когда глаза его одновременно и видели, и не видели происходящее. Такие

симптомы профессор распознавал отчетливо. В отличие от применяемых гипнологами методов, в транс мальчик вводил себя сам, и выходил из него, по всей вероятности, тоже самостоятельно.

– Назови марку моих часов, – попросил профессор.

– Уточните, каких, – откликнулся Семен. – Дома, на работе?

– Тех, что на руке.

– «Слава», – тут же откликнулся Семен, – восемнадцать камней, куплены два года назад в Москве. – Он замешкался, вглядываясь куда-то внутрь себя самого. – Отставание – одна секунда в сутки.

– Ладно, задам последний вопрос в этом ключе, навскидку. Какой был код в том сейфе, который стоит в этом кабинете, до того, как цифры сменили?

Мальчик стал всматриваться в свой внутренний экран.

– Две тысячи двести сорок шесть, – сказал он наконец. – Только я букву различить не могу... – Он помолчал, потом радостно хлопнул в ладоши: – «Б», вот такая буква!

Профессор пожевал губами.

– Задаю вопрос твоей сопровождающей сущности, – без всякой иронии или подтекста обратился он к подростку. – Может ли она отвечать на вопросы, касающиеся будущего?

– Да, – односложно ответил все тем же, словно чужим голосом Семен, – но только самого, по вашим понятиям, ближайшего.

– Почему только ближайшего?

Профессор подался вперед. Он видел, как подросток водит глазами туда и сюда, словно отслеживает нечто, чего в этом кабинете нет. Наконец раздался ответ:

– Вероятность ошибки увеличивается по мере удаления событий во времени.

– Ладно, – устало согласился профессор, – давай поговорим по-человечески. Отпускай своего ангела.

– Ангел всегда со мной, – все еще не выходя из полугипнотического состояния, ответил Семен. – Просто я не всегда его слышу.

– Это он тебе говорит?

– Да.

– А ты всегда помнишь ваши беседы?

Семен встряхнул головой, превращаясь в обычного мальчишку. Сейчас он снова был здесь, в кабинете: сидел в мягком кресле перед профессором и готов был рассказать ему много еще чего.

– Если я, к примеру, прочел книжку, – ответил он, – то помню ее всю. Ну, точнее, не помню, а могу любую страницу вывести к себе на тот телевизор, и вся эта страница... – он замешкался, подыскивая слова.

– ...Воспроизводится один к одному, – закончил за него профессор. Паренек с благодарностью кивнул.

– Но иногда я даже не читаю никакую книжку, просто прошу дать мне сведения... к примеру, об Иване Грозном.

Мне присылают на экран нужные страницы неизвестно откуда. Я уже и уроки учить перестал: зачем время терять? И так все отвечаю.

– А что делаешь вместо домашних уроков?

– В футбол гоняю, – признался Семен. – Родители меня вначале ругали, но когда одни пятерки пошли, стали разрешать. Я раньше ведь троечником был.

– Ты еще про тир расскажи, – от окна попросила мать.

– Да что там интересного? – удивился мальчик. – Прихожу я в тир, беру пульки, вставляю в ружье...

– Духовое, – подсказал отец.

– Ну да, не настоящее же... Потом закрываю глаза, внутри себя на экране вывожу мушку и целюсь прямо в десятку. А рукам команду даю слушаться. Короче, так и навожу, с закрытыми глазами, через экран. Стреляю, и если за спуск не дернул, то попадаю.

– И как результаты? – спросил профессор. Любой мужчина проявил бы к этому предмету живой интерес.

– Почти всегда в десятку, – смущаясь, но не без гордости заявил Семен. – Из ста каждый раз примерно девяносто пять, девяносто семь выбиваю. Если бы с упора можно было стрелять, то вообще не мазал бы, а так – руки дрожат... в общем, чуть-чуть не то. Меня в секцию зовут, но я пока не иду.

– Хорошо, – кивнул профессор, – достаточно на сегодня. Наговорил ты тут, – он поднял кустистые брови, – столько, что разбираться нам с тобой придется долго. Сможешь

ко мне приходиться хотя бы два раза в неделю? Здесь, братец ты мой, целую комиссию собирать придется, всякие задания выполнять... Зато потом станешь самым известным школьником во всем Советском Союзе. Только давай договоримся: о своих разговорах с ангелом ты больше ни единому человеку не расскажешь.

– Ладно, – согласился Семен.

– Не «ладно», – строго и даже жестко поправил его профессор, – а очень серьезно! Если будешь, как сейчас, трепаться направо и налево, так что мне о тебе даже уборщицы рассказывают... то тебя точно посадят в психушку и начнут лечить, пока мозги и вправду набок не съедут. Понял?!

Профессор обернулся к родителям:

– Подойдите, пожалуйста. – Те поднялись, пересекли кабинет и встали возле стола, побледнев от волнения. – На вас, друзья мои, теперь лежит вся ответственность. Если удастся, то способности вашего сына я выдам за некий феномен. Создадим комиссию, составим протоколы, оформим все в рамках диалектического материализма. Если же кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь от него услышит про какие-то там голоса, про ангелов и все в том же духе, поверьте, ему поставят диагноз на всю оставшуюся жизнь. Даже я его не спасу: на работу брать не будут, с семьей начнутся проблемы... В общем, официально нам нужно подчеркнуть его одаренность. И не больше, слышите? – не больше! Мы начинаем работать с вашим ребенком.

Воцарилась тишина. Отец мальчика прокашлялся и позволил себе задать вопрос:

– Скажите, а на самом деле это с ним... что?

Профессор, все еще сидя в кресле, полуобернулся к подростку и, подавая ему руку, попрощался:

– Ты, герой, подожди своих родителей в коридоре. Спасибо за откровенность: молодец!

Паренек зарделся, пожал протянутую руку и поднялся. Выходя, он одернул рукав у пиджака и буркнул:

– Книгу вашу, которая сейчас в типографии, на два месяца задержат, но она все равно выйдет. Так что можете не волноваться.

– Это ты на своем экране увидел?

– Ну да, прислали сообщение, – как о чем-то само собой разумеющемся откликнулся Семен. – До свидания.

– До свидания, – не высказав внешне ни малейшего удивления, попрощался профессор, и продолжил говорить, встав и повернувшись к родителям после того, как дверь за мальчишкой закрылась. В силу высокого роста, он нависал над ними. – Теперь давайте о главном. Ваш сын умеет получать любую... повторяю: любую информацию, пока не до конца разбираясь, как она к нему приходит. Это значит, что в перспективе он либо будет работать на наши службы безопасности, либо... Не хочу кривить душой: его могут попросту ликвидировать. В лучшем случае, он окажется в таком вот заведении, как наше. Существует единственный выход, ес-

ли вы хотите избежать и первого, и второго вариантов и сделать из своего мальчика нормального человека с нормальной судьбой.

Родители ждали, почти не дыша. Лучи солнца, падавшие наискось за их спинами в кабинет, стали за этот час совсем пологими. В свете этих лучей и отец, и мать казались темными силуэтами на светлом фоне окна.

– Выход – в том, чтобы нам с вами постараться заблокировать у вашего сына все эти способности. То есть – запретить ему общаться с ангелом, но при этом оставить одну-единственную возможность: пусть работает с цифрами и графиками через свой внутренний экран. Понимаете? Это все равно что выпускать пар из кипящего котла. Мальчика нельзя лишить его дара целиком, потому что в таком случае возникает искушение запретным плодом. Он рано или поздно вновь захочет проявить свой талант... Вот и пускай учится химии, физике, биологии, математике, пусть моделирует у себя в телевизоре, как он его называет, молекулы, новые вещества... Да что угодно! Любую информацию он сможет в этом разрезе получать благодаря своим особым возможностям – вот пусть этим и поиграется. Об остальном – забыть! Вы представляете, что получится, если ваш сын начнет без труда получать «сообщения» о состоянии нашего военного флота, например, или о количестве ракет, стоящих на боевом дежурстве? Да за одно это его пришьют к стенке, друзья мои. Понятно?!

Мать судорожно вздохнула, отец кивнул.

– Поэтому, – жестко сказал профессор, по-прежнему нависая над родителями, – я уберу у него способность к этому трансу, когда он слышит всякие голоса. Мы от вашего сына отсечем ангела, я вам это обещаю. Заодно я изучу все особенности вашего ребенка. Потом постараюсь на уровне подсознания наложить запрет на использование его внутреннего экрана – в любом ином плане, кроме молекулярного моделирования, математических формул и так далее. А вы – именно вы, слышите, родители? – убедите его молчать. Всю жизнь молчать! Иначе не миновать беды... Ясно?

Все было ясно.

– Идите, – слегка насупив кустистые брови, чтобы подчеркнуть серьезность момента, напутствовал их профессор. – Пожелаем друг другу успеха.

– Спасибо, спасибо, – сдавленными голосами откликнулись те оба, и вышли, подавленные всем, что здесь произошло.

Профессор остался один.

– Черт его побери, – произнес он громко и отчетливо. – Уже третий такой!

Профессор подошел к стеллажу и достал две толстые папки с номерами, перевязанные тесемочками. Он открыл одну из них и откинул в сторону картонную половинку. На титульном бланке была наклеена фотография девушки с чистым, улыбчивым взглядом. Ниже шли ее данные: фамилия, имя,

отчество, адрес и прочее в том же духе.

Профессор поглядел в самый конец формуляра, где значилось: «Убита при невыясненных обстоятельствах», — и стояла дата. Дата была недавней.

Профессор хорошо помнил эту девушку. Звали ее Тамара, училась она на четвертом курсе, готовилась стать врачом. Вначале никто не замечал, как легко ей удавалось поставить диагноз, почти не исследуя пациента. Потом она со смехом начала делиться с подругами по общежитию, будто глазами видит каждый орган так, словно просвечивает его рентгеном, поэтому легко может определить даже то, чем человек позавтракал. Она без труда отличала доброкачественные уплотнения от злокачественных — можно было потом не брать из опухоли биопсию. Все удивлялись таким способностям и сулили ей блестящее будущее.

Потом девушке пришлось в голову проверить свои способности на расстоянии. Она ставила диагнозы по фотографиям и даже по описанию человека, которого представлял себе в данную минуту его знакомый. Несколько раз получилось так, что клинический анализ крови она смогла воспроизвести, вообще не зная ничего про пациента.

Вот тогда это все и произошло. Сделав из любопытства еще шаг, девушка научилась читать чужие мысли. Не все, конечно, а выборочно, словно бы настроившись на волну того или иного человека. Вначале она узнала, что подруга по комнате претендует на внимание ее молодого человека. Все

это можно было бы списать на обычную ревность, но здесь, в этом самом кабинете, Тамара начала выкладывать такие детали, касающиеся жизни совсем уже других людей (которых поименно называл ей профессор, включив в их перечень и себя самого), что стало ясно: девушка получила доступ к информации, связанной с поведением и мыслями любого человека. Кого угодно.

Профессор знал, что девушкой заинтересовались специальные органы, но линию своего поведения к происходящему тогда еще не определил. В первую очередь ему хотелось разобраться с научным феноменом, и он уже выстраивал серию экспериментов, которые надлежало провести с Тамарой, – но как раз тогда девушка и пропала. А теперь в формуляре, который он держал в руках, значилась дата ее смерти.

Профессор закрыл папку и положил на край стола. Нужно было посмотреть там некоторые материалы, обобщить, построить гипотезу – но не сейчас, позже. Ему следовало привыкнуть к кое-каким мыслям.

Профессор постоял возле стола, наблюдая, как рассеянный отблеск затихающего дня бесшумно льется в его кабинет сквозь высокое окно с раздвинутыми шторами. В биографии у профессора была одна деталь, которую не знал никто, кроме него самого, а теперь об этой детали его заставил вспомнить мальчик.

Профессор родился в глухой сибирской деревне, и метри-

ка о его рождении сгорела во время пожара. Времена стояли сложные, деревенские жители не имели паспортов, так что дату рождения ему вписали заново в какую-то справку – со слов, в общем-то, постороннего человека. Потом, перебравшись в город, он получил по этой справке паспорт, и ошибочная дата прочно закрепилась за ним на всю жизнь. По документам ему было пятьдесят два года.

Мальчишка назвал его возраст абсолютно правильно: пятьдесят четыре, потому что слышал своего ангела. Ангелы не ошибаются.

Профессор покачал лысой головой с выступающим тяжелым лбом, и еще раз посмотрел за окно.

Ему показалось, что ему оттуда кто-то незаметно улыбнулся. Он чуть помедлил и улыбнулся в ответ.

II

Стояло лето 1984 года.

Нева казалась ослепительно-синей на своем самом широком участке – возле Петропавловской крепости, которая горела вознесенным золотым шпилем посреди раскаленного воздуха.

Ленинград с его распластанной архитектурой, бесчисленными каналами и длинными гранитными набережными оказался во власти внезапно наступившей жары – спасти от которой мог только легкий ветерок с залива. Набежав вначале на Исаакиевский собор и покружив вокруг этого тяжелого символа красоты и гармонии, а затем скользя вдоль Эрмитажа, ветерок этот баловал гуляющую по набережным публику едва ощутимой прохладой у распахнутого пространства реки.

Возле медицинского института, где шли последние экзамены, чуть не случилась драка. Двое студентов лет двадцати вышли на улицу, раздумывая, куда бы направиться. Один, повыше, в белой рубашке и цветастом галстуке, держа в руках папочку, что-то говорил другому – загорелому крепышу с портфелем, когда подвыпивший битюг, проходя мимо, громко выругался в сторону молоденьких первокурсниц. Студентки стояли неподалеку стайкой, болтали и мешали ему пройти. Битюг разразился трехэтажным матом, и дев-

чонки шарахнулись в сторону.

– Ты потише там!.. – крикнул ему тот, что повыше.

Битюг обернулся.

– Кончай, говорю, ругань, – повторил парень, не понижая тона.

У битюга лицо сделалось красным от ярости:

– Ты, фраер, – сказал он и сделал шаг.

Второй из студентов, в клетчатой синей рубашке с коротким рукавом, ниже и поплотнее, поставил свой портфель на землю и спокойно шагнул навстречу. Он даже говорить ничего не стал, только посмотрел. Битюг остановился, сплюнул и пошел прочь, засунув руки в карманы.

Крепыш все так же спокойно поднял свой портфель:

– Такие везде сортир устроить норовят, – сказал он, не повышая голоса. Бицепсы его рельефно выделялись, и сила угадывалась серьезная.

Приятели уже шли по Петроградской стороне. Тот, что повыше, спросил с плохо скрываемым раздражением, обернувшись вслед полупьяному битюгу:

– Вот ты, будущий хирург, ответь: попадет такой тип к тебе на операцию, рука у тебя, так сказать, не дрогнет?

– Дурацкий вопрос, – пожал тот плечами. – Это же разные вещи.

– А я бы, – мечтательно откликнулся высокий, – занес над ним скальпель и спросил кое о чем... Глядишь, на всю оставшуюся жизнь и напугал бы скотину. Они ведь по-другому не

понимают.

Сессия у этих двоих только что закончилась, и до осенних занятий оставалось сколько угодно времени, чтобы понять, как много возможностей дарит молодость. Продолжая разговор, приятели пешком пересекли Петроградку, вышли на проспект Добролюбова и оказались возле старого деревянного мостика, ведущего на городской пляж у знаменитой Петропавловки. Перейдя мостик и не доходя до загорающей публики, они присели на лавочку в тени.

Того, что был поплотнее и ниже ростом, звали исконным русским именем – Иван. Стального цвета серьезные глаза и темная короткая стрижечка: выглядел он в свои двадцать вполне уже солидно.

– Не поверишь, Сеня, – сказал он, глядя куда-то в небо, – хоть сейчас вернулся бы к себе в райцентр. Там у нас больница областная, так и тянет туда: хочу оперировать по-серьезному. Но еще год надо учиться... А руки-то дела просят, понимаешь? Дела!

Его товарищ – с пшеничными волосами, худой и высокий, словно вешалка, одетый в модные брюки и белоснежную шелковую рубашку с пестрым галстуком, слушая Ивана, проводил взглядом идущих мимо девушек. Он с трудом удержался, чтобы не вывернуть себе шею, обернувшись им вслед, а потом вздохнул и поделился главной своей проблемой:

– Похоже, я зря в медицину пошел. Не мое это, да толь-

ко понял поздно... Болезни нужно лечить иначе, чем теперь это делается, да кому все растолкуешь? Генетика – ключ ко всему! Представь: закончим мы институт, выйдем в народ, а через двадцать лет опять с тобой встретимся... Как ты думаешь, Ваня, кем ты к тому времени станешь?

– Имеются вполне определенные мысли, – неторопливо ответил крепыш. Здесь, в тени, веял ветерок с Невы, и после жары городских кварталов было вполне прохладно. Вся их группа, сдав экзамен, должна была собраться через два часа на Васильевском острове и отправиться, по случаю успешного завершения семестра, трескать пиво. Ничего сейчас не представлялось лучшего, чем посидеть вот так, среди деревьев, у Невы, наблюдая, как где-то рядом играют в волейбол и развлекаются на летний манер такие же молодые, красивые и в силу этого беззаботные люди. У которых, понятное дело, впереди не просто вся жизнь, а буквально – вечность.

Семен – высокий красавец, в котором трудно было узнать того лохматого подростка с надтреснутым голосом, что краснел в кабинете у профессора, – сидел теперь, раскинув по деревянной спинке скамьи руки, и любовался своими модными штиблетами.

– Лично у меня – полный туман относительно собственного будущего, – сообщил он.

Над ними обоими в небе, если взглядеться как следует, застыли два их ангела. Как и всегда, безо всяких эмоций они наблюдали за приятелями, пока те разговаривали. Ангелы

находились рядом еще тогда, когда эти двое часом раньше сдавали последний экзамен, а до этого, утром, просыпались – каждый у себя в квартире, затем принимали душ, завтракали и ехали в институт.

Ангелы знали и помнили каждый день своих подопечных – с тех самых пор, как души вселились в тела этих молодых людей. Им были известны судьбы всех, с кем пересекались жизненные маршруты и того крепыша, которого звали Иван, и этого высокого, широкоплечего, немного костлявого умницы, любителя девичьих прелестей Семена, прямой контакт с которым, к сожалению, за последние годы был утерян. Ангелы ждали команды – любой команды, чтобы выстроить цепь обстоятельств ради ее исполнения.

Молодые люди разговаривали, сидя на деревянной скамейке, и даже не подозревали о присутствии над собственными головами высших существ. Стояло лето, и было жарко.

Семен спросил, продолжая начатую тему:

– Ты всегда, будто танк, напролом прешь, – а не скучно?.. Безо всяких там нюансов: от решения одной задачи – к решению другой...

– По-твоему, лучше в модном костюмчике на танцульках щеголять?

– Дался тебе мой костюмчик, – безо всякой обиды откликнулся приятель. – Ну, люблю я девушкам нравиться, что поделать! Между прочим, я на овощебазе три месяца по вече-

рам ящики таскал, чтобы на брючки, рубашечку и ботинки заработать. Слаб по дамской части, признаю... Но неужели, Ваня, – он приобнял однокурсника, – ты всю свою золотую жизнь к медицине сведешь? Не верю. По факту наличия у тебя отличительных мужских черт.

Иван чуть улыбнулся, потом сказал:

– Пока за пиво не взялись, давай-ка я тебе объясню, как я в медицину попал.

– Давай, – согласился Семен, краем глаза проводив фактуристкую девушку, шествовавшую в отдалении. Даже в такую жару он не упускал возможности доставить себе хотя бы эстетическое удовольствие.

Иван ровным голосом начал:

– Родился я в деревушке в средней нашей полосе. Туда хоть электричество и провели, да только со снабжением была полная беда. Жили в основном своим хозяйством, так что хлеб, помню, мать в печке пекла. А в соседней деревне доживал свой век старый-старый, чуть ли не земский еще врач: один на всю округу. Мне было тринадцать лет, когда родителя меня с какой-то хворью к деду на подводе привезли. Хворь он вылечил, а я в его избе увидел книги по медицине: атлас анатомический, помню, огромный, ну и всякое такое. И вот, не поверишь: каждый почти день, после школы, в осень – по грязи, зимой – по снегу, шагал я в соседнюю деревню по лесной дороге и часами сидел у доктора в избе, книжки по медицине читал. Домой он их брать не разрешал,

да мне и самому интереснее было у доктора спросить о том о сем, чем самому во всех мудреных терминах разбираться. Так и повелось: сиделся я за длинный такой деревянный стол в его горнице, открывал книгу, а сам по большей части не читал вовсе – а ждал, когда старик усядется напротив и начнет мне все простыми словами объяснять. Детям обычно сказки рассказывают, а мне лекции по физиологии устраивали. Я как замороженный сидел, щеку подперев: кругом глухомань, лес шумит, а я про зрительные нервы, устройство сетчатки или про слизистую оболочку, рот открыв, слушаю.

Иван говорил неторопливо. Приятель следил за историей, не перебивая, и на некоторое время даже перестал вертеть головой на девушек.

– Потом старик все-таки позволил мне некоторые свои книги по общей медицине домой брать. Я их проглатывал как приключенческие романы и менял на другие. Особенно нравилось, не поверишь, про пищеварительный тракт: я себе весь живот пальцами прощупал, доискиваясь, где кончается кишечник тонкий, а где начинается толстый. Потом обнаружил, что пальцы довольно точно чувствуют каждый орган, и рассказал об этом старику. Тот, помню, хмыкнул и еще кое-что мне пояснил про внутреннее устройство.

– А родители?

Иван пожал плечами:

– Отец у меня с утра до вечера занят был по хозяйству, так что и меня всюю задеиствовал. Гляди, – показал он Семену

ладони, – сколько лет прошло, а кожа так загорбела, что мозоли, наверное, никогда уже не сойдут.

– Это у тебя от атлетики, – не согласился Семен. – Всё твои гири да гантели: вот и натер.

– Натер, конечно, да на старое легло, – уточнил Иван. – Отец, бывало, крикнет: «Наруби дров!». Я книжку положу, час или полтора колуном помашу и снова за науку. Он мне: «Настрогай реек, забор подновим!» – я опять всё сделаю, лампу зажгу и сяду читать. Отец понаблюдал такое дело с годик и решил, что нужно мне в город ехать, учиться на врача. Тем более, я в поселке всем диагнозы начал ставить и лечение определял, будто по учебнику. Мать к соседям меня отправляла, будто настоящего доктора, я и шел с серьезным видом, аспирин прописывал...

Семен засмеялся.

– Но этим дело не обошлось. Мой земский доктор, видимо, что-то в себе почуял перед смертью, и говорит: давай, научу тебя животных препарировать. А то, говорит, помру и навыки свои не передам. Взяли мы, помню, лягушку (я ее в пруду поймал, дело летнее), он набор хирургический принес и досконально все показал. Я за неделю наловчился так, что половину пруда к нему в избу перетаскал. Не только брюшко, но и позвоночник у лягушек вскрывал, спинномозговые корешки разглядывал.

– А на кошках не пробовал упражняться? – осведомился Семен с улыбкой.

– Отчего же, и на них, родимых, практиковал... А потом захворала одна дворняжка у соседей, дед мне и говорит: определи, говорит, что там у нее случилось, и давай, лечи.

– И что?

– Стал я ей лекарства, растолченные с водой, давать, а она возьми да подохни. Может, от старости, а может, от болезни, теперь не скажешь. Дед завел меня к себе в избу, посмотрел в глаза – а на мне лица нет. «Вот, – говорит, – что значит: ошибка в лечении... Запомни, сынок! В твоих руках чужая жизнь, не имеешь права ею не по-божески распорядиться!...».

Мне лет-то всего, прикинь, пятнадцать и было. Помню, ревел я тогда с горя, словно мы человека потеряли, а дед и не собирался меня утешать – чтобы крепче запомнилось. Потом посадил напротив и говорит: скоро, дескать, я тоже помру, поэтому обещай мне: когда станешь хорошим врачом или большим начальником, то обязательно вернешься сюда, в нашу деревню, и наладишь здесь хорошую медицинскую службу. А иначе, говорит, я зря тебя всему учил.

Я, со слезами еще на глазах, отвечаю: клянусь! Тогда дед, представь, берет бумагу, ручку, и заставляет меня эту клятву черным по белому написать. А в конце, не поверишь, вместо подписи протыкает мне безымянный палец иголкой для анализа крови, выдавливая каплю – и прикладывает мой палец к бумаге. Я, говорит, этот листок Богу покажу, а если нарушишь клятву, гореть тебе в Геенне огненной!.. И убирает бу-

магу в свой сундук.

Представь, что все это значило для мальчишки: чистой воды заклятие! Я, во-первых, от страха чуть языка не лишился, а во-вторых, точно понял: назад мне хода точно уже нету...

Это я сейчас, после курса психиатрии, понимаю: доктор тот очень грамотно дал мне установку, и такую мощную мотивацию создал, буквально закодировал меня, что все остальное оказалось переподчинено этой цели. И правильно сделал! Я тогда все дисциплины, которые для института требовались, так вызубрил, что на одни пятерки поступил... из деревни-то приехавши! Над учебниками ночами сидел, боялся, что если не сдам, меня сразу в печку на вилах потащат!

Приятели захохотали, не сдерживаясь.

– Но потом, когда все на свои места встало, – все еще смеюсь, продолжил Иван, – меня, поверь, действительно потянуло в родные края. И не просто так, а с той самой целью. Я ведь на хирургии вполне наострячился...

– Да слышал, – уважительно отозвался Семен. – Даже шефу на операциях ассистируешь.

– Ну, бывает иногда, – заскромничал Иван. – У меня пальцы такими чуткими стали, что я легко нервы шью. Не говори никому: я в Павловский институт хожу, во-он туда, на стрелку Васильевского... – Иван показал рукой через Неву, правее Ростральных колонн. – Там лаборатория есть, где нейроны исследуют. Под микроскопом работаю.

Он искренне радовался, рассказывая обо всем этом, а у

Семена лицо становилось все более грустным.

– ...Так что через двадцать лет, – закончил Иван, – буду я заведовать районной больницей и при этом делать в Москве уникальные операции. Свое обещание, которое тому деду дал, обязательно выполняю: открою в каждом, даже самом маленьком поселочке нашей губернии медпункт, с доктором и медсестрой. А иначе гореть мне в Геенне огненной и очень мучиться по этому поводу.

– ...Каждая медсестра обязательно должна иметь параметры: девяносто – шестьдесят – девяносто, – продолжил его мысль Семен.

– Трепач ты, – доброжелательно отозвался Иван. – У меня, между прочим, фамилия Боголюбов, что означает: отношение ко мне там, наверху, самое приятное. Бог меня любит... Поэтому – все обязательно получится.

– Включая, конечно, и штатных медсестер, – захохотал Семен. – Слушал я тебя, слушал, и, представь, появилась у меня мысль.

– Наконец-то, – съязвил Иван. – Сколько лет все ждали, и вот оно: случилось!.. Какое, друзья мои, сегодня число? Отметим в календаре, ведь событие и впрямь выдающееся: Семену Ильичу Журавлеву, студенту мединститута, в голову пришла мысль!

Семен с серьезным и одновременно комичным видом внимательно оглядел сокурсника:

– Позвольте все-таки довести до вас единственную, но в

силу этого очень важную идею... Врачи твоего профиля, готовые отрезать и срастить заново кости, нервы, мышцы или стенки брюшной полости, нужны человечеству словно воздух. Потому что люди не умеют ходить по земле: они все время падают или для развлечения бьют друг друга по лицу и ломают при этом собственные пальцы. Но, выступая в качестве несостоявшегося терапевта, могу сообщить, что вся прочая наша медицина, кроме, я извиняюсь, хирургии, идет по категорически неверному пути, занимаясь не профилактикой болезней, а чем?..

– Их лечением, – подсказал Иван.

– Верно, – менторским тоном произнес Семен. – И если говорить по сути, путь этот перспектив не имеет. Зато имеет перспективу такая штука, как изучение ДНК человека. Нужно выискать заложенные или возникшие там поломки и устранить их с помощью... снова заранее извиняюсь за выражение... – с помощью направленного воздействия именно на человеческий геном. Это, надеюсь, понятно? Меняем плохие гены на хорошие, и болезнь не развивается. Даже хирурги вполне способны оценить эту замечательную новацию.

Иван помолчал.

– Только не говори, будто ты это все сейчас придумал, – уточнил он.

Семен вздохнул и сменил насмешливый тон на серьезный:

– Конечно, не сейчас! Я, наверное, отчислюсь из института, Ваня... Уйма времени потеряна. Мое место – не в по-

ликлинике, и даже не в хорошей городской больнице. Я это понял точно, а вот как быть, не знаю. Все придется начинать заново, так что, скорее всего, переведусь-ка я в университет, на кафедру генетики. Ты вот про лягушек здесь рассказывал, а я, не поверишь, когда прочитал, что в Англии не только на лягушках, но даже на мышах начали получать копии живого организма из клеток обычной ткани... Из обычных, Ваня, клеток, пойми, а не половых! – так вот, прочитал я об этом, и мне наконец-то стало ясно, где свои мозги применить.

Он на секунду оглянулся: рядом с ними никого не было.

– У меня одно особенное свойство есть, – понизив голос, сообщил он. – Только ты молчи об этом, не трепись... Я умею в голове строить молекулярные цепочки любой длины, ну, то есть моделировать их безо всякого ограничения... ДНК, к примеру, в полном объеме построить могу, а потом каждый фрагмент рассмотреть отдельно, словно под увеличительным стеклом. Вплоть до того, что оптические изомеры, если требуется, на то или другое место прилаживаю, это вроде мозаики... – он говорил уже почти шепотом, но очень четко. – Поэтому синтез белка для меня – вроде игры в конструктор. Любого белка, ты понимаешь? В том числе и такого, который, если тот или другой ген работает с ошибкой, вызывает заболевание. Надо в таком случае ген либо заменить на нормальный, либо заблокировать... По большому счету, нужно составить общую генетическую карту для каждого отдельного человека, вроде его паспорта, а потом работать

по ней, занимаясь починкой сломанных фрагментов.

– Ангину сможешь вылечить? – пытаюсь вникнуть в суть, но с принятым у них оттенком иронии спросил Иван.

Семен отодвинулся с шутливой гримасой:

– Вы, хирурги, – неприятные, прямолинейные люди. Не ангину, а рак, диабет, атеросклероз... Такого типа болезни. Понятно?

– Значит, возвращаясь к теме и подводя итог, – констатировал Иван, – ты себя видишь большим ученым, ну, вроде спасителя человечества: академик Семен Ильич Журавлев, встречайте! Гром аплодисментов, овации. Все встают, слышны возгласы: «Браво!»

– ...А следом на сцену выходит главный хирург Советского Союза, почетный мастер кройки и шитья органических тканей, Иван Петрович Боголюбов, – подхватил Семен. – Не мешайте, граждане, разойдитесь в стороны: вот его чудесные, мозолистые руки. Хирург Боголюбов пользуется ими только во время операций. Остальное время руки отдыхают, так что все делают за него медсестры. Естественно, вы понимаете: у каждой из них параметры... – он сделал паузу, и оба будущих героя хором воскликнули:

– Девяносто – шестьдесят – девяносто!..

Они заплодировали друг другу и захохотали от переизбытка дурацкой энергии и молодости. Две девушки, возвращавшиеся с пляжа, обернулись и, похоже, приняли бравурные крики со скамейки в качестве комплимента на свой счет.

– В запасе у нас еще целый час, – глядя, как девушки не торопясь удаляются, заметил Семен. – У каждой, как я заметил, есть две ноги. И большие голубые глаза.

– Не может быть, – пристально вкладываясь вслед девушкам, засомневался Иван. – Не изменило ли вам зрение, коллега? В том смысле, что глаза у обеих именно голубые? Это цвет моей мечты, и я очень, очень боюсь ошибиться.

– Даже синие, – заверил его Семен. – Предлагаю приступить к знакомству. Считаю до трех, и решаем...

– Вперед! – не дожидаясь счета, скомандовал Иван, и оба они, поднявшись, целенаправленно двинулись вслед за престницами по деревянному мостику, через который недавно сюда пришли.

Неподалеку имелось кафе-мороженое, и это можно было считать самым подходящим местом, где будущий главный хирург всей страны и академик от генетики могли бы приятно провести ближайшие полчаса со своими новыми подружками.

Их ангелы обменялись между собой короткими сигналами и двинулись в направлении, обозначенном разговором. Один из них – тот, что занимался Иваном Боголюбовым, уже получил установку и точно знал, что делать дальше. Он имел от своего подопечного вполне конкретное поручение: готовить областную клинику для прибытия туда через пару лет молодого врача, а также обустраивать для него соответствующее жилье.

Второй ангел, ведающий судьбой Семена Журавлева, никакого задания не получал. Ни на один вопрос ни разу не прозвучало твердого ответа, а значит, двигаться дальше не имело смысла. Сомнение всегда трактовалось в пользу отказа от действий вообще, поэтому приказом, обязательным к исполнению, служил безальтернативный сигнал, начинавшийся со слов: «Я решил». За последнее время, уже более года, таких сигналов не поступало, разве что случались одноразовые требования по мелочам, – поэтому ангел бездействовал.

Если бы он мог вздохнуть, то, конечно, вздохнул бы, но ангелы лишены эмоций. Он видел, как его подопечный взял одну из девушек под руку, и слышал все те глупости, которые тот ей говорил. Он знал прошлое, настоящее и ближайшее будущее этой девушки, поэтому с очевидностью полагал бесперспективность начавшегося знакомства.

Та молодая женщина, которую он посоветовал бы Семену в долгосрочные спутницы, в это время входила в метро на другом конце города. Если бы Семен Журавлев слышал хотя бы часть из того, что нашептывал ему ангел, то, подчиняясь внезапному импульсу, решил бы поехать на метро, после чего оказался в том же вагоне, что и предназначавшаяся для него спутница. Дальше, конечно, выбор оставался за ним, но и здесь должна была сложиться цепочка обстоятельств, приводящая к благополучному исходу. Ангел готов был обеспечить все, что сопутствовало бы успеху, но, чтобы все это на-

чать, Семену требовалось хотя бы на секунду подчиниться наитию и услышать голос, подсказывающий наилучший для него вариант.

Семен этого голоса, конечно, не услышал. Он разговаривал в кафе с девицей, которая, приехав в Ленинград в качестве туристки, должна была сегодня навсегда покинуть этот большой город, не оставив даже следа ни в его, ни в Семени судьбе или памяти. Билет на поезд уже лежал у нее в сумочке, но Семен об этом не знал, разливаясь соловьиными трелями и пытаясь произвести неотразимое впечатление при помощи своих ботинок, рубашки с галстуком и умения трепаться ни о чем. Девчонки смеялись, слушая его байки, Иван хмыкал, но вскоре оказалось, что всем уже пора по своим делам. Жизненные маршруты у этих четверых разошлись – чтобы более не пересечься никогда.

Приятели отправились на Васильевский остров, собираясь как следует надуться пива в кругу таких же, как и сами они, молодых и жизнерадостных созданий. Ангелы, то исчезая на мгновение – чтобы согласовать вопросы, связанные с их подопечными, – то появляясь вновь, следовали над ними, готовые выполнить любую команду, начинающуюся со слов «Я решил».

Команд, как и обычно, не поступало и, если было бы возможно приводить сравнения, то парившие над людьми создания напоминали выведенные из гаража машины с постоянно включенными двигателями.

Стояли белые ночи. Внизу, в городе, шла дружеская вечеринка, а высоко в небе, стоило поднять глаза и как следует взглядеться, все-таки можно было различить что-то необычное.

III

Я – Ангел.

Я выделяю здесь свое имя большой буквой только для того, чтобы вы отличали меня от прочих сущностей такого рода.

Сейчас, когда вы читаете эту книгу, вы меня слышите, но в обычное время – нет. У каждого из вас есть свой ангел-хранитель, то есть сущность, которая дает вам советы и, в определенном смысле, формирует обстоятельства на вашем пути. Его вы тоже не слышите.

Люди понимают лишь конкретные примеры и простые объяснения. Разговоры, касающиеся общих закономерностей, кажутся им слишком сложными, хотя именно там, в сфере больших истин, и находятся ключи, которыми они могут открыть любую дверь. Если попытаться объяснить человеку, что он сломал ногу не потому, что поскользнулся, торопясь сегодня (впрочем, как и всегда) на работу, а потому, что много месяцев подряд просил у Господа хоть немного покоя, и такой способ обеспечить ему покой оказался наилучшим, – если попытаться все это объяснить, человек раздраженно отмахнется. Все это кажется ему заумью. Люди живут лишь теми представлениями, которые черпают в повседневной жизни, поэтому, как правило, они пропада-

ют без следа в пустыне времени, так и не поняв, зачем появились на свет и какие возможности, отпущенные им Богом, они упустили.

Ангел – это тот, кто дает советы, потому что знает, какой именно путь является для вас самым правильным. Ангел – это некий сгусток энергии, разума и воли, которых вам недостает. Ангел – это ваша дополнительная сила, но проявится она только в том случае, если вы научитесь видеть и понимать знаки, которые вам подают.

Те из вас, кто знает: случайностей в жизни нет, легко различает эти, поставленные ангелом, вехи и следует им. Например, если номер телефона, на который вы пытаетесь дозвониться, непрерывно занят – значит, сейчас вам противопоказан контакт с тем человеком, который, как вам кажется, столь для вас необходим. Зато, если в этот момент вы протянули руку, чтобы достать с полки книжку, а оттуда выпала фотография, где вы запечатлены со своим старым приятелем – разыщите его адрес и постарайтесь в скором времени увидеться. Поверьте, от этой встречи вы получите что-нибудь очень полезное, и вам, быть может, совсем не обязательным окажется звонить тому человеку, чей телефонный номер был тогда непрерывно занят.

Ангел не может, а по сути своей и не должен заставлять вас делать то, что, по его мнению, было бы наи-

лучшим для вас. Более того: он выполнит даже те ваши команды, которые приведут вашу судьбу в тупик. Он обязан это сделать, поскольку призван подключать свои возможности для того, чтобы желания его подопечного стали реальностью.

Поэтому, если ваша жизнь превратилась в сплошной кошмар – значит, вы сами сделали такой выбор. Ангел, безусловно, советовал вам действовать по-другому, но вы не сочли нужным прислушаться. Между тем ваш хранитель видит причины и следствия гораздо дальше вас: это приблизительно то же самое, что наблюдать с высокой башни движение на улицах города, где вы бредете, опустив голову, по мостовой и лишь иногда оглядываетесь по сторонам. Отсюда, сверху, отчетливо видны и автомобильные пробки, и расположение нужных и ненужных для вас персон, и даже магазины с дешевой распродажей одежды, если у вас, скажем, не густо с деньгами.

Ангел не может сделать для вас двух вещей: во-первых, не в силах заставить услышать себя, если сам человек предпочитает оставаться глухим. Во-вторых, ангел ни при каких обстоятельствах не может отнять у вас свободу воли, которой Господь награждает человека в момент его появления на свет. Человек от рождения самостоятелен в своем выборе, и подчиняет такому выбору все сущее вокруг себя. При этом не имеет

значения, считает ли человек верным спиваться и деградировать, или выбирает путь конструктора космических кораблей, чтобы заниматься своими чертежами даже в тюрьме. Он работает в застенках, чтобы впоследствии, как это сделал Королев, создать первые космические аппараты, доставившие людей на земную орбиту.

Поэтому неважно, каков выбор: ангел в любой ситуации лишь служит человеку по мере своих возможностей. При этом ангел всегда знает, приведет ли избранный человеком путь в тупик либо нет, поскольку имеет доступ к общему хранилищу информации. В любой момент он может обратиться туда с вопросом и получить точный ответ.

У ангелов есть возможность общаться с сущностями гораздо более высокого уровня и пользоваться (в редких, правда, случаях) их возможностями. Я называю эти сущности Верхними, во власти которых – изменить ход любого процесса по своему усмотрению. Они в равной степени легко могут остановить поезд в тоннеле метро, вызвать землетрясение, ускорить либо замедлить ход времени или заставить исчезнуть целые цивилизации, как это было с индейцами майя.

Над Верхними расположены Иерархи, определяющие закономерности, по которым строится вся ваша Вселенная. Не хочется забивать вам этим голову, поскольку

ку, повторюсь, люди по большей части заняты делами насущными и в той же степени малозначимыми, хотя кажутся они, на первый взгляд, весьма важными – поскольку происходят сейчас. Человеку, когда он голоден, не до общих рассуждений, и мы, ангелы, это прекрасно понимаем.

Я вышел на эти страницы со вполне определенной целью: дать вам услышать, зачем и каким образом мы служим вам, людям. Я допускаю, что завтра вы можете забыть все, что здесь узнали, но когда однажды, много лет спустя, чей-то тихий голос вам подскажет, что не следует лететь в другой город таким-то рейсом, и вы, направляясь в авиакассау за билетом, почувствуете щемящее, безо всяких объяснений и причин, тоскливое состояние – может быть, вы прислушаетесь к этому голосу, поверите возникшему ощущению и откажетесь от полета. Это спасет вам жизнь, но не потому, что самолет разобьется, как вы, наверное, сейчас подумали, а в силу тех обстоятельств, что по дороге в аэропорт пьяный водитель грузовика не врежется на повороте в вашу машину: ее просто не окажется в то время и в том месте. Вы об этом даже не узнаете, но ваш ангел, отчетливо предвидевший финал той версии, которую вы, по счастью, не выбрали, продолжит вести вас по жизни. Тогда, сами того не подозревая, вы, может быть, еще не раз воспользуетесь его рекомендациями.

Мы реализуем себя через вас, люди. Мы созданы для того, чтобы, говоря несовершенным земным языком, оптимизировать маршрут каждого из вас. Представьте, как переживают родители, если видят своих маленьких детей в опасности: точно так же и мы стоим у вас за спиной, но порой не в состоянии даже на йоту изменить ваш путь, ведущий в никуда. Это все равно что, выглянув на секунду в окно на улицу, заметить своего маленького сына выбежавшим за мячиком на мостовую – прямо под колеса несущейся на него машины. Вы, сверху, эту машину видите, но ваш ребенок бежит за мячом, и у вас нет даже мгновения, чтоб успеть распахнуть окно и крикнуть об опасности. Словно в замедленной съемке, вы наблюдаете приближение страшного мига, но от вашего маленького родного существа вас отделяет прозрачная плотность стекла, сквозь которую он не услышит ваш крик.

Так и вы не слышите нас.

Мой голос, возможно, звучит сейчас у вас в ушах несколько механически. Отнеситесь к этому спокойно, словно к сигналам точного времени или справке по телефону от робота-автомата. Мы, ангелы, пытаемся говорить с вами при помощи общедоступных терминов, и это не всегда легко воспринимается людьми, поскольку вы привыкли к эмоциям. У ангелов нет эмоций. Нам дано лишь одно право – право на любовь к каждому из вас:

этим мы руководствуемся всегда, что бы вы ни совершали.

Любое разумное существо во Вселенной: и люди, и мы, ангелы, и многие прочие сущности – все мы созданы с единственной целью: реализовать свои способности. Нужно понимать: в каждом человеке от рождения заложены великие таланты, поэтому вечная ваша душа, обладающая правом свободы выбора, проявляет свою сущность, свой талант в той степени, в какой сама захочет. Нет обстоятельств, препятствующих четко выраженному человеческому желанию: есть только корректирующие факторы, помогающие выстроить дорогу к обозначенной цели. Ничто не может помешать человеку, если он принял решение.

Я подчеркиваю: речь идет не о повседневных мелочах, а касается именно твердого долгосрочного решения. Человек, как правило, испытывает одновременно множество самых разных потребностей и добивается их удовлетворения. Пить, есть, заниматься сексом ему хочется постоянно. Он пьет, ест и занимается сексом. Однако решение – это нечто иное. Касается оно главных перспектив жизни, например: «Я решил стать поваром». Или: «Я решил, что обязательно полечу в космос», или: «Женюсь на той женщине», а может: «Сделаю себе потрясающую фигуру»... Я решил! Это и есть формула постулата. Причем человек должен воочию представить себе

тот результат, которого хочет достичь, когда мечта его сбудется. Представить – и воспринять с радостью в сердце.

С того момента, как постулат запущен в работу, начинается самое главное. Обстоятельства складываются таким образом, чтобы обеспечить первый, наиболее рациональный шаг в избранном вами направлении. То есть: появляется возможность, которую вам нужно незамедлительно использовать.

Я уточню, чтобы не возникло неясностей. Ангелы, получив команду, создают условия для ее реализации. Но исполнение всецело лежит на самом человеке! Именно человек действует, добиваясь поставленной цели: эту работу ангелы за него проводить не должны. Вот почему, в конечном итоге, сила желания и воля самого человека определяют, сбудется ли задуманное. Ангелы служат для этого лишь средством – самым совершенным в мире инструментом.

Совершенно неважно, где и когда мы, ангелы, получаем вашу команду. Наверняка, читая эту книгу, вы можете горестно посетовать на судьбу, не предоставившую вам шанса, который был столь необходим. Но представьте ситуацию гораздо менее благоприятную, чем ваша: не так давно прошедшую эпидемию в Африке, отдаленно живущее племя и неграмотного чернокожего мальчика. Насмотревшись на местного знахаря, он решает

получить образование и стать специалистом, способным спасти своих соплеменников от повальной гибели. Представили? Я рассказываю о реальном случае и могу назвать вам имя этого мальчишки, который теперь, став солидным ученым, возглавляет исследовательский центр по борьбе с инфекционными заболеваниями, созданный под эгидой ООН. А тогда, сорок лет назад, в его вымирающий поселок прибыла миссия «Красного креста», и мальчик, спрятавшись в кузове машины, бежал в город – куда в иных обстоятельствах никогда бы не попал. Его шанс имел вид запыленного грузовика со старым мотором, и мальчик им воспользовался, потому что принял решение и ждал своего часа.

Мы, ангелы, всегда отличаем ваши главные требования, ваши постулаты от сонмища мелких желаний и воспринимаем решения как приказ. Наша задача – прислать к вам ту самую машину «Красного креста», которая, не будь на то воли мальчика, поехала бы в другую деревню. Каким именно образом можно свести воедино, ради вашего главного решения, тысячи разнонаправленных факторов – задача, для выполнения которой мы и созданы. Я не смогу объяснить вам, как это происходит, поскольку уровня вашего понимания окажется недостаточно. Если бы вы попытались растолковать пятилетнему ребенку общую теорию относительности, то наверняка ограничились бы несколькими образными при-

мерами – рассчитывая, что детали и суть он постигнет уже потом, когда вырастет.

Вы, люди, реализуете свой потенциал, а мы, помогая вам, – свой. И если с вашей стороны за все короткое земное существование к нам не поступит ни одной команды, и мы так и простои́м в полной готовности, ничего для вас не сделав – значит, мы напрасно находились в этот период рядом с вами. Невостребованность – худшее из наказаний, которое вы, люди, нам несете. Потому что и у вас, и у нас существует общая цель, ради достижения которой и создал Господь человечество как сообщество духовных сущностей.

Ангелам не дано права упрекать людей в чем бы то ни было. Повторю: мы, ангелы, не гневаемся, не радуемся и не скорбим в вашем понимании этих слов. Мы работаем на вас, а затем, уже вместе с вами, пользуемся результатами этой работы. Но мы достаточно осведомлены о мыслительных процессах, протекающих в ваших головах, и понимаем, что люди зачастую склонны верить лишь тому, что могут потрогать руками. В остальном их может убедить либо сложившееся общественное мнение, либо яркий лидер. Именно общее мнение я сейчас и пытаюсь сформировать. Я делаю так, чтобы все, кто прочитал эту книгу, получили возможность необратимо изменить свою судьбу к лучшему. Это станет для вас стимулом, чтобы, опираясь на понимание обще-

го для нас с вами смысла, каждый из вас получил свою искомую долю личного счастья. Можете расценивать это послание как своеобразную инструкцию по использованию высших сил: такая форма привычна человеческому сознанию.

Для тех, кто вчитывается сейчас в этот текст, я спустя некоторое время передам несколько простых правил, пользуясь которыми, вы достаточно быстро достигните собственного благополучия. Неважно при этом, пожилой вы человек или совсем молодой. Уже на следующий день после того, как вы перевернете последнюю страницу книги, в названии которой значится мое имя, в вашей жизни начнется череда мелких, но существенных изменений, которые в скором времени превратятся в ту самую глобальную возможность, использовать которую вы обязаны непременно.

Женищина, страдающая без мужчины, обретет себе утешение: ее личная жизнь наладится.

Юноша, жаждущий признания, получит повод, чтобы отличиться.

Отец семейства, не имеющий достаточных средств к существованию, перейдет на хорошо оплачиваемую работу.

Автор, задумавший произведение, подберет слова или музыку, посредством которых к людям снизойдет Бог, насытив их души радостью и просветлением.

Каждый получит то, что возжелает, но только лишь на пути собственного развития. И тогда обретут свое счастье ваши ангелы.

Однако не следует забегать вперед и ждать сейчас и здесь прямых рекомендаций. Они воспоследуют позже. Вначале следует определить те критерии, по которым вам надлежит формировать свою просьбу к высшим силам, для чего требуется уяснить некие твердые закономерности.

Мне хотелось бы, чтобы все выводы вы сделали сами, а я лишь пояснил общие правила, по которым строятся отношения между людьми и ангелами. Потому что та общая наша с вами цель, о которой, подходя к проблеме с разных сторон, я здесь уже упоминал, тот главный вопрос, для решения которого Господь и создал нас с вами, заключается в том, чтобы человечество избрало для себя новое мерило собственных ценностей. А значит, выбрало для себя иной путь, нежели тот, которым идет сегодня, приближаясь к катастрофе.

Ваше личное счастье возможно лишь там, где вы пользуетесь общими законами. Их требуется знать, и они достаточно просты, так что я лишь помогу вам в их понимании.

Если вам сложно все это читать, отложите книгу и вернитесь к ней позже. Ангелы редко общаются с людьми вот так, напрямую, и поверьте: если уж это

произошло, значит, повод действительно серьезный. Серьезный не «вообще», а конкретно для вас, хотя речь вроде бы идет о каком-то абстрактном человечестве. Чтобы перейти к главному, я поясню на конкретном примере технику исполнения нами, ангелами, ваших поручений.

В Европе живет один писатель, который после долгих раздумий принял решение – выставить свою работу на соискание Нобелевской премии, а затем и получить ее. Писатель с улыбкой представил, как ему будут вручать эту премию в зале с высокими сводами, находящемся в центре Стокгольма, и как он, одетый в смокинг, будет выступать там с речью, наполненной философией, юмором и надеждой. Писатель правильно рассудил: в его произведениях содержится та суть, которая, изложенная в свойственной ему неторопливой манере притчи, несет в себе новацию, открывающую вдумчивым читателям глаза на самих себя и на все происходящее вокруг. Писатель до этого долго работал, как принято говорить, «в стол», не публикуя своих рукописей, а потом начал ежегодно издавать книги – одну за другой – и каждая становилась сенсацией.

Он был уже достаточно известным человеком, у него появилось множество гражданских обязанностей, а на творчество, то есть на то, ради чего он родился на свет, времени оставалось немного. Чтобы дописать лучшую свою книгу, ему необходимо было уединение.

Он решил: я напишу свою книгу в течение месяца.

Он выбрал такой месяц: август, и перенес все дела, чтобы освободить себе время для творчества. Он счел необходимым поехать в Хорватию, где в маленьком городке, расположенном на узкой зеленой полосе земли между горами и морем, он станет работать – и поручил жене такую поездку организовать. С этого мгновения его ангел включил свои возможности.

Ангел обустроил все так, чтобы писатель поселился в уединенном месте, в отеле, чьи окна смотрят в сторону гор. Человек, который занимал там номер перед приездом писателя, внезапно получил из дома телеграмму и вынужден был уехать. Туристы, которые должны были занять почти весь отель, на час задержались, поскольку у них сломался автобус, и писатель без проблем вселился туда, где смог потом спокойно писать свою книгу целый месяц.

– Как нам повезло, – сказал он жене. – Даже если специально выбирать, удобнее места не придумаешь.

Закончив работу за день до отъезда, он уже точно знал, что получит Нобелевскую премию. Так оно и произошло некоторое время спустя.

Вы, люди, ставите задачу, а мы ее решаем – лишь бы цель оказалась обозначена четко, а принятое решение не подвергалось корректировке. Если мужчина твердо решает взять в жены богатую, знатную даму, а у само-

го нет ни денег, ни титула – поверьте, в какой-то момент произойдут события, когда он, например, сумеет спасти ей жизнь. Тогда общественными условностями, разносящими этих двоих по жизни, можно будет пренебречь, и судьбы их соединятся. Но стоит лишь ему засомневаться в себе или в своей любви – можно поставить на его пути к даме крест. Ничего не получится. Сомнения человека – это прямое указание для ангела, чтобы приостановиться и замереть. Никто из нас не применит своих возможностей ради неявной цели, которой человек не жаждет достичь всеми силами своей души.

Теперь, когда сказанного достаточно, чтобы заставить вас размышлять, я обозначу, зачем всем нам – и человеческим душам, и ангелам – требуется слышать и понимать друг друга.

Мы вместе с вами должны сохранить и эту планету, и человечество на ней: сохранить физически. Потому что все, что сейчас происходит в мире, сводит на нет само существование человека на земле.

Люди вырубают леса – и зеленые легкие планеты перестают дышать.

Люди отравляют реки – и скоро у них окажутся исчерпаны запасы питьевой воды.

Люди обрабатывают почву так, что большая часть площадей оказывается подвержена эрозии. Земля в таких местах потом не родит, и назревает сельскохозяй-

ственный кризис. Недостаток продуктов питания приведет к тому, что в вашем рационе дары природы постепенно заменят на химические соединения, которые вы станете употреблять в пищу. То есть, по сути, вы начнете поедать яды, медленно отравляющие ваши тела и необратимо меняющие генетическую программу.

Вы разрушаете климат, не только уничтожая озоновый слой над планетой, но и нарушая соотношение углекислого газа и кислорода. При этом вы прибегаете к отговоркам, которые каждый из вас использует для себя, и самая простая – та, что лично вы ничего во всем этом не понимаете, да и химию в школе учили довольно давно. Но, когда вас душат за горло, особого понимания не требуется, а увеличенная концентрация углекислого газа в воздухе подобна как раз медленному удушению.

Мы не говорим здесь про наркотики, которыми одержима ваша молодежь. Все перечисленное, да и многое другое в том же духе вы делаете либо допускаете организовано и сообща – одни по незнанию, другие по равнодушию, третьи в силу корыстных соображений, поскольку получают от происходящего прямую выгоду. В основе вашего мировоззрения лежит мысль, что ради прибыли можно сделать все что угодно. Собственно, так и происходит. Это – первый из постулатов, исполнение которых приводит к катастрофе.

Вторая ваша ошибка исходит из убеждения, будто по-

беждает сильнейший. При этом нужно понимать, что прибыль, получаемая любой крупной преуспевающей корпорацией, могла бы оказаться в своей совокупности достаточна, чтобы накормить сотни тысяч детей из стран «третьего мира», умирающих от голода и не численных вами к разряду сильнейших.

Вы исходите из того, что с волками нужно жить по-волчьи, а это само по себе заранее оправдывает вседозволенность для сильных. Что, в свою очередь, ведет большую часть человечества к краю, и не видеть приближающегося финала, даже обладая вашей ограниченной информацией, уже не получается. На планете, по мнению тех, кто сегодня состоит в числе «сильнейших», должна остаться примерно пятая часть ее населения, остальные обречены. Скорее всего, читатели этой книги, их дети и внуки не входят в число особей, которым дозволено будет выжить.

Вам не хочется в это верить, но это действительно так, и программа уже запущена.

Вы спросите: а как – нужно?

Вы спросите: что же делать?

Если ангелам известно больше (хотя тоже далеко не все), то почему до сих пор никто не подсказал человечеству верный путь?

Ответ прост: вы не хотите слышать. Поверьте, мы кричим вам в уши – но вы глухи. Верхние сущности посы-

лают к вам пророков – но вы распинаете их. Мы ставим на вашем истинном пути вехи, но вы их не видите. При чем вехи и знаки эти сулят персонально для каждого не борьбу и потери, а дорогу, двигаясь по которой, он получит личное счастье. Да вдобавок еще и обретет все, чего захочет его душа. Но даже и этого люди не приемлют, в результате чего мы, ангелы, оказываемся подобны бездарным учителям, выпустившим из школы питомцев, не умеющих ни читать, ни писать. Это – факты, а не эмоции.

Я сообщу вам, как выглядит общий принцип, на который требуется заменить ваши волчьи законы. Суть его проста: человек есть часть всего человечества. Вот и все. Но последствия этих нескольких слов весьма велики. Если плохо ребенку в Уганде, то значит – плохо и вам, поэтому вы обязаны ему помочь. Не конкретно и лично вы сами, но ваша страна, ваш народ – обладающий, например, избытком ресурсов.

Внутри любой страны должно действовать то же самое правило: каждый работает ради всех, все работают ради каждого. Более простой формулы не существует. Общество поддерживает ваше развитие, а вы, в свою очередь, отдаете ему плоды вашего труда и таланта. И чем больше вы отдали, тем в глазах общества больше и значите. Заметьте: именно так, а не наоборот, как сегодня, когда те, кто захватил значительную долю на-

ционального богатства, отчего-то считаются наиболее значимыми фигурами. Они ездят на хороших машинах, курят дорогие сигары, их женщины носят бриллианты – а все человечество, которое они обобрали, считает, будто это – нормальный порядок вещей, и оказывает им знаки почтения.

Вы скажете, что прекраснодушные советы, которые исходят от ангелов, не имеют реальной перспективы. Никто из тех богатых, о которых здесь говорится, добровольно не отдаст нажитого, а точнее – отнятого у других либо захваченного в результате войн. Сегодня это действительно так, но это значит, что человечество, в массе своей, не останавливаясь, движется по дороге на кладбище. Из-за чего происходят все ваши войны? Ответ прост: считается, будто ресурсов планеты не хватит на всех. Не хватит нефти, воды, золота и даже той земли, из которой вы добываете минералы. Не хватит пищи и чистого воздуха.

Значит, все это нужно отнять у соседей!

Так думаете вы – и заблуждаетесь. Ресурсов на Земле – до бесконечности, неограниченно много.

Их с избытком хватит для всех, но вопрос заключается в том, что извлечь их можно, лишь объединив усилия всего человечества.

Вы можете открыть неизвестные сегодня источники энергии, которые превратят все, что сейчас стоит

дорого, в практически бесплатные товары.

Вы можете создать генетическую карту вашего вида, которая исключит болезни и продлит вам жизнь на десятилетия.

Вы способны создать новый тип перемещающихся в пространстве аппаратов и освоить с их помощью ближайший космос.

Вы готовы к тому, чтобы научиться управлять климатом над планетой. Тогда у вас появится неограниченное количество еды, и это остановит вымирание целых народов – на фоне расточительного уничтожения пищевых ресурсов так называемыми цивилизованными странами.

Мы, ангелы, знаем ваши возможности и рекомендуем именно такой путь. Для этого вы должны исповедовать принцип добра каждого ко всем, который был здесь обозначен. Не захотите – это ваше право. Но следует знать, что в таком случае в основной своей массе, а возможно все, вы погибните, поскольку уничтожите себя сами, и если такой выход приемлем для вас – что ж, мы подчинимся вашему выбору.

Я сейчас назову вам имя человека, которое ничего вам не скажет – хотя могло бы стать не менее известным, чем знаковая фамилия Эйнштейн. Его звали Эрик Мак-Гауэр. Этот человек обладал развитой интуицией и, находясь в возрасте шестидесяти лет, сумел по-

стичь принцип антигравитационного устройства – точно такого, с помощью которого задолго до вашей цивилизации были построены пирамиды в Египте. Мак-Гауэр вплотную подошел к открытию взаимосвязанных формул, использование которых на практике осуществилось бы менее чем за пять лет. С этого момента судьба всего человечества изменилась бы столь существенно, сколь быстро она получила новый вектор при открытии электричества.

Мак-Гауэр преподавал в одном из университетов США и страдал одним недостатком: он был заядлым курильщиком. Для кого-то подобный процесс проходит вне обострений, лишь незаметным образом сокращая жизнь человека. Но есть категория людей, у которых никотин вызывает спазм сосудов: зачастую приходится ампутировать им конечности, если они не бросают курить. Мак-Гауэр был информирован врачами, что относится именно к такой группе. Более того, у него прогрессировало заболевание ног, отчетливо свидетельствующее о начале процесса, а затем о его прогрессирующем развитии. К тому же, у него часто болело сердце.

Ангел Мак-Гауэра постоянно создавал ситуации, из которых следовало: ученый должен прекратить принимать никотин в свои легкие. Тот не слышал голоса ангела. Жена Мак-Гауэра тоже умоляла его бросить курить, но привычка оказалась сильнее.

*Накануне того дня, когда ученый, взяв отпуск, соби-
рался обобщить материалы своих исследований, из ко-
торых с неизбежностью следовал глобальный прорыв в
технологиях, применяемых на Земле, его увезли в боль-
ницу в кризисном состоянии. Сделав одну операцию, вра-
чи вынуждены были признать, что вскоре придется де-
лать следующую, ампутируя не только стопы, но и
обе ноги по колено. Делать этого, однако, не пришлось:
еще находясь в больнице, Эрик Мак-Гауэр скончался от
обширного инфаркта. Реанимационные мероприятия не
помогли.*

*В итоге открытие так и не было доведено до заверше-
ния, а поскольку происходило все накануне Второй миро-
вой войны, то вскоре весь мир оказался втянут совсем в
иные процессы. Впоследствии ставку сделали на энергию
ядерных сил, отложив в сторону разработки Мак-Гауэ-
ра. Поэтому вы о нем ничего и не знаете.*

*Этот пример – один из многих, которые мне извест-
ны. Человек отвечает за все человечество, и когда он при-
нимает решение, касающееся собственной судьбы, это,
хочет он или нет, отражается на судьбах всех осталь-
ных. Главное, что следует помнить: выбор всегда оста-
ется за самими людьми. Можно предпочесть смерть
и забвение, потворствуя своим слабостям, но можно –
жизнь и вполне заслуженное благополучие. Мак-Гауэр
сделал свой выбор, а теперь каждый день и всю свою*

жизнь подобный же выбор, но в меньшем масштабе, делаете вы сами.

Перед тем как отмахнуться от здесь написанного, перед тем как сказать себе, что, дескать, я человек маленький, а значит, много от меня не зависит, перед тем как позволить своему правительству решать за вас все вопросы, как правило, в пользу богатых – представьте на секунду такую картину. Невдалеке от вашего города или поселка в вечерней темноте вдруг вырастет чудовищный ядерный гриб, и за те несколько секунд, пока набегаящая ударная волна, перемешанная с радиоактивной пылью, не снесла с лица земли все, что представляла из себя цивилизация, вы только и успеваете – вскочить, прижать к себе ребенка и, скорчившись от ужаса, понять, что не сумели всему этому помешать. Под обломками последней войны вам не уцелеть.

Конечно, проще всего об этом не думать: ведь человечество на примере Хиросимы подобный кошмар пережило, а значит, хватит здравого смысла его не повторять. Вы готовы себе все это твердить, но в то же время холодок в животе все-таки появляется: а вдруг? Война – самый простой способ что-либо отнять. Вспомните историю собственной страны: либо на вас напали, либо нападали вы сами. Мир постоянно переделывают силой оружия, и всегда за этим стоит желание приобрести дополнительные ресурсы и власть.

Но если вы поймете, что ресурсов – безгранично много, если в дело вступят новые источники энергии: та же гравитация, например – она бесплатна и присутствует всегда и везде, нужно лишь научиться ее использовать, – так вот, если еды, тканей, изделий, топлива и машин с избытком хватит на всех, то философия человечества должна измениться радикально. Сытые люди рассуждают иначе, чем голодные. Ваша сытость придет к вам через понимание, что человечество – едино в своих потребностях, что нет «сильных» и «слабых», а есть общая планета Земля, где люди сообща используют ее ресурсы.

Каждый из вас должен это понять, и тогда он получит доступ к индивидуальному успеху. Если же по-прежнему вы продолжите думать, будто каждый должен жить сам по себе, то за тяжелые и неприятные для вас последствия такого решения приготовьтесь также расплачиваться в одиночку. Никто вам не поможет.

Напротив, сказав себе самому, что чужая беда – это и ваше горе тоже, можно считать, что самый главный шаг уже сделан. Над каждым из вас – свой ангел, и он подскажет конкретную дорогу, по которой вам следует идти, исходя из вполне понятных житейских категорий. Это будет путь добра и справедливости, который неизменно приводит к удаче лично для вас.

Я Ангел-хранитель того мальчика, которого при рож-

дении назвали Семеном Журавлевым. К сожалению, так случилось, что мальчик потерял со мной контакт, оставив только узкий канал для связи – свой внутренний экран, на который я могу выводить для него одни лишь цифры, формулы и молекулярные модели. Остальных возможностей его попросту лишили, проведя цикл сеансов гипноза – а он не сумел отказаться, потому что был еще маленьким и не понимал собственного преимущества перед теми, кто не слышит своих ангелов.

Сенечка превратился в Семена Журавлева, несостоявшегося медика и любителя модно одеваться. Потом он совершил серьезную ошибку: женился на однокурснице, единственной целью которой было остаться в Ленинграде – а не ехать по распределению на Дальний Восток.

Я предпринял все, чтобы показать ему: этого делать не следует, но он к тому времени уже не мог слышать меня. Полноватая женищина, в которую всего за несколько лет превратилась его вчерашняя сокурсница, родила ему сына, и оба они занимались тем, что где-то подрабатывали, воспитывали ребенка, снимали жилье, постепенно выветривая из себя очаровательную бесшабашность молодости.

Их выпуск разъехался кто куда. Семен, бросив медицину, поступил в университет, с потерей года обучения, как и хотел – на кафедру генетики. Но из-за вечной своей занятости бытовыми проблемами он вынужден был

перевестись на вечернее отделение, и это стоило ему еще одного потерянного года. Знания он получал урывками и, в общем-то, постепенно утратил интерес к опережающим время идеям. Несколько раз я приводил на его кафедру тех, кто мог бы оказать ему солидную поддержку – апостолов науки, столичных гостей и зарубежных специалистов – и любыми способами старался подтолкнуть Семена к контакту с ними. На кафедре, например, был организован цикл интереснейших семинаров, появилась даже возможность практики в других университетах... Нет, ни одна моя попытка предоставить Семену возможность научного роста так и не удалась. Свои шансы он не использовал, поскольку устремления его лежали в сугубо практической сфере: он постоянно искал, где бы заработать. Меня он по-прежнему не слышал.

С трудом закончив обучение, Семен устроился – вначале в одно учреждение, где числился старшим лаборантом три года, затем в другое и, наконец, оказался на должности младшего научного сотрудника во вновь открытой лаборатории наследственных заболеваний. Там анализировали природу ущербных генов, и способности Семена к моделированию молекулярных цепочек оказались весьма кстати.

Я посылал Семену сновидения, в которых на образных примерах показывал, куда развернуть научный поиск. Он просыпался наутро и все это забывал, а если что-

то и пытался вспомнить, то монотонно-обвинительная, длящаяся без перерыва речь его супруги, превратившейся теперь в дородную и несколько обрюзгшую особу – подобная речь окончательно разрушала созданные мною ночью образы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.